

Живет в Якутске (Россия). Визитная карточка участника.

Соленосное

Луна в созвездии Рака –
время солить огурцы.
Хотя бы немного прохладного воздуха!
Но солнце, зная, что лето короткое,
не внемлет призывам засольщицы:
с утра нагревает балкон,
назойливо смотрит в окно,
оставляя на полу горячие полосы.

Банки наполняются будущим –
вкусом и ароматом
различных специй,
прикрытые крышками
томятся ожиданием.
На телеэкране –
кадры любимого фильма,
прошитые рекламой и новостями.

Огурцы безжалостно лишаются
ненужных частей.
Жизнь всегда что-то отсекает.

Вычёркивает, стирает, вырывает
из памяти, сердца и снов.
Она – опытный солевар.

Середина июля –
тривиальные домашние хлопоты.
Тихий, словно собственный,
голос с экрана:
"Как долго я тебя искала..."

На губах засольщицы
горький привкус соли
и: "Мне – только сорок..."

Поединок

Жара плыла – по небу, по земле,
стекала с крыш
до сумрачных подвалов.
Показывая беспощадность нрава,
несла безводье,
предвещала смерть.

Росток цветка искал росинки ртом –
источник влаги, – глядя из пелёнок.
Так ищет новорожденный ребенок
сосок, едва запахший молоком, –
и поиском напрасным изнурён,
тревожно спит – и худ, и нездоров.

...А за него, забрав платком седины,
земля вела с июлем поединок.

Корнями чрево глубже расporов,
спасала жизнь тому,
кто с ноябрём
уйдёт в неё
и станет продолженьем.

Мать иссыхала
до изнеможения,
надеясь, что вот-вот услышит гром.

Была жара. Неистойой была.
А после – дождь, спасительный, наотмашь.

И не беда, что сын стоял намокшим —
ему достанет ласки и тепла.

Наташина каша

В голове у Наташи — каша.
Свекровь, муж, сынишки,
кот, наглеющий слишком
во время приёма пищи, —
мало ему, всё "мяу"!
Так ещё и вот эта,
ничего не понимающая в личном,
старший научный сотрудник
(за глаза "педантичкой" кличут),
докторскую она, видите ли, пишет!

— Наташа, что-то суммы не бьются.
Будьте добры, переснимите эталоны. —
"педантичка" Вера Ивановна хочет выпить чаю,
берёт чашку, рассматривает внимательно,
припоминая, при каких купила обстоятельствах.
— Эталоны... талоны... представляете,
даже лампочек без них не продавали,
ни бюстгальтеров с трусами,
и очереди за книгами и мебелью — месяцами.
Простите, милая, что загружаю.
Понимаю, времена сейчас другие.
Хотя некоторые до сих пор живут в коммуналках.

— Времена всегда одинаковые... — думает Наташа,
но становится себя на чуточку меньше жалко.
И где-то глубоко в душе начинает верить,
что пока есть такие,
с приветами от науки, Вер Ивановны,
её, Наташу, переведут на первую категорию.
Наташа подождёт, она не гордая.
Три года честно ждала выполнения обещания
кого-то там из правительства
про увеличение зарплаты вдвое.
И простила этого кого-то
к четвёртому Новому году,
браным словом не кроя,
только вздохнула:
— Детишек-то — трое, до ипотеки ли.

– А знаете, Вер Иванна, зима будет долгой.
Хотите, я свяжу вам варежки
из тёплой пряжи?
Ну а пока – поехали!
Сейчас мы им покажем,
выведем ваши суммочки на чистую воду,
как миленьких,
каждую!

Улыбаясь глазами,
Вер Иванна смотрит на Наташу поверх чашки:
ничего, девочка, горшочек справится с кашей.
Ведь варит, варит же!

